



УДК 392.3 (571.54)

Межэтническая миксация в Байкальском регионе XVIII–XIX вв.

О. В. Бураева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Установлению контактов между русскими и эвенками (тунгусами) способствовало не только соседство деревень и стойбищ, но и начавшееся уже с середины XVII в. смешение населения. Браки, завязывавшие узы родственных отношений между русскими и эвенкийскими семьями, вели зачастую к основанию прочной дружбы между ними. Смешанные браки наложили отпечаток и на внешний облик коренного забайкальца.

Ключевые слова: русские, эвенки, гураны, межнациональные браки, Байкальский регион, XVII–XIX вв.

Этнические процессы в таких социальных микроячейках, как семья, отличаются особой активностью в тех случаях, когда эти ячейки возникают в результате брачных союзов между представителями разных этносов. Вместе с тем уже само число таких браков является одним из существенных показателей этнического сближения народов [7, с. 460].

Смешанные браки наиболее распространены в зонах с разнорациональным составом населения. К таким зонам относятся города, пограничные области расселения народов, районы инорациональных вкраплений на территории компактного расселения какого-либо народа. Длительные межнациональные контакты возможны лишь в национально-смешанных зонах. Такой зоной и является Байкальский регион.

В период интенсивного освоения Байкальского региона к местному населению применялись неизбежные в данной исторической обстановке методы силового давления. Но уже с середины XVIII в. российское государство переходит к интеграции местного населения в политическую, экономическую и культурную жизнь страны, обеспечивая ему официальное поощрение и покровительство, создавая условия для его дальнейшего этнокультурного развития.

Первыми колонизаторами Сибири были служилые и приказные люди, торговые и промышленные – как самостоятельные, так и «приказчики и передовики» богатых людей русских городов. За ними следовали недовольные своей жизнью на родине: воры, грабители, разбойники, крепостные, бежавшие от своих господ, и т. д. С середины XVIII в. одним из источников пополнения русского населения стали ссыльные. В сословном отношении это были помещичьи, дворцовые, синодальные, архиерейские, монастырские,

государственные крестьяне, солдаты, мастеровые. С XVIII в. появляются и представители дворянства, большую группу русского населения составили сосланные по конфессиональному признаку. Это были группы старообрядцев, получившие название семейских.

Правительство начинает заботиться о заселении Сибири и здоровыми элементами. С конца 70-х гг. XVIII в. увеличился поток русского крестьянского населения, чему способствовал указ Екатерины II 1779 г., основной задачей которого было заселение южной части Сибири, прилегающей к китайской границе между Ангарой, Кяхтой и Нерчинском. Первая партия поселенцев насчитывала 10 тыс. чел. На месте каждому выделяли надел в 30 десятин и освобождали на 10 лет от податей. Но, как заметил Подгорбунский, «...здоровый колонизационный элемент Сибири был весьма незначителен и он положительно тонул в массе нездорового...» [5, с. 46]. Свободное русское население начинало формироваться из казаков, в XVIII в. – из купечества и промышленников, административных чиновников, но главный поток свободного населения в Иркутской губернии появляется с середины XIX в.

Первоначально население восточносибирских острогов и городов состояло из одних мужчин. Женщины появились не сразу, и их было мало, поэтому захваченных в плен женщин крестили и выдавали замуж за служилых людей.

Крещение породило особую группу населения: были целые поселения, заселенные метисами. Смешанные браки наложили отпечаток и на внешний облик коренного забайкальца.

Восприятие христианской религии вело к изменениям в хозяйстве и быте. Крещеные эвенки поселялись в русских селениях, занимались в основном хлебопашеством (оленные эвенки, принявшие крещение, очень редко оседали в русских деревнях и почти не вступали в брак с русскими и бурятами).

Христианство в значительной степени распространялось среди эвенков, проживающих вместе или чересполосно с русскими. Среди крещеных эвенков были распространены такие русские имена, как Иван, Афанасий, Петр, Алексей, Василий, Федор, Андрей, Николай, Степан, Лаврентий, Илья, Устин, Дмитрий, Максим, Михаил, Федот и другие, у крещеных эвенкиек – Пелагея, Федосья, Варвара, Марфа, Дарья, Домнина, Агриппина, Любовь, Авдотья, Марья, Наталья, Акилина, Анастасия, Степанида, Екатерина, Анна, Татьяна и другие. У крещеных эвенков наиболее распространенными фамилиями были Неронов, Суханов, Носырев, встречались русские фамилии Епифанцев, Максимов, Иванов, Богданов, Шастин, Кожин, Егоров, Игнатьев, Кириллов, Судейкин, Корякин, Ковригин, Лоншаков, Плотников, Гаврилов, Герасимов, Симонов, Савин, Федотов, Гордеев, Федоров, Корнилов, Антипов, Стефанов, Макаров, Тетерин, Михайлов, Соболев, Малков, Семенов, Литвинцев, Андреев, Ефимов, Шестаков, Петров, Сажин, Пыхалов, Пестерев, Кузнецов, Баранов, Миронов и другие [3, л. 219 об.–465].

Природные русские сибиряки, представляющие третье, четвертое, пятое и шестое поколение уроженцев Сибири, вообще большей частью невысоки ростом, сухощавы, более или менее смуглы и черноволосы. Несколько

черноватый или смуглый цвет лица сибирякам, по-видимому, нравится более, чем рыжий или красный. Во многих местах Сибири, особенно в Восточной, слово «краснокожий» синонимично слову «безобразный» и употребляется как бранное слово, тогда как слова «черномазый», «халзан», «карым» или «карымочка» употребляются как слова ласкательные или любезно-шутливые применительно к детям или девицам [11, с. 144].

Нередкими во второй половине XVIII в. были смешанные русско-эвенкийские семьи. Они оседали в русских селениях и вели хозяйство по русскому типу: имели дома, пахотные земли, сенные покосы. Женами крещеных тунгусов были русские женщины (помимо крещеных эвенкиек). Так, в деревне Мильгидунской проживали 3 семьи (20 чел.), состоящие из мужчин-эвенков из рода улятов и русских женщин. Эвенк Афанасий Павла сын Неронов (50 лет) был женат на русской, имел 5 детей в возрасте от 6 до 21 года. Эвенк Петр Афанасьев сын Неронов (30 лет), женатый на русской, имел 7 детей от 3 до 12 лет. Эвенк Николай Афанасьев сын Неронов (26 лет) имел с русской женой 2 детей 4 и 6 лет. В Сухановой слободе проживала семья (2 чел.), глава которой из рода чипчинут Кирило Кирилова сын Суханов был назначен старшиной Сухановой слободы. Здесь жили также своим домом 3 смешанные семьи (мужья из родов конур и долот). В Алеурской слободе жила семья из 5 чел. (муж из рода дуликагир). Были и неполные семьи (мать – русская вдова), имеющие свой дом, но не имеющие пашни, покосов. Члены таких семей, как правило, находились в услужении у русских крестьян [3, л. 219 об.–230]. В 1773–1779 гг. в ведомостях церковью Нерчинского ведомства было записано 467 крещеных эвенков, женатых на русских женщинах, с детьми, на крещеных женах-эвенкиях [3, л. 219 об.–230].

В Юго-Восточной Сибири, по мнению А. П. Щапова, в верховьях Ангары до Братского порога, особенно в верховьях Лены до р. Илги, по р. Иркут, славяно-русская народность подверглась не менее заметному и, кажется, еще более типичному видоизменению в физическом строении. Здесь на изменение ее главным образом влияли не столько физико-географические, сколько этнографические условия; не столько климат, почва или вообще физическая экономия края, сколько физиологическое смешение славяно-русской народности с монголо-бурятским и отчасти тунгусским племенем. Самое характерное явление в этнографической организации восточносибирского населения представляли так называемые ясачные [11, с. 112–113].

Вот эти-то своеобразные жители Юго-Восточной Сибири, «ясачные» и «оседлые инородцы», во всей наглядности представляют самый типичный пример видоизменения славяно-русской народности под влиянием физического смешения ее с азиатским племенем совершенно другой расы [11, с. 113]. Довольно бегло взглянуть на ясачное, бурятско-русское население, с прибавлением тунгусо-русских ясачных поколений, и при этом представить родоначальный славянский тип – и вы невольно поразитесь, писал А. П. Щапов, до какой разницы видоизменился чистый славянский тип в восточносибирском ясачном населении, бурятско-русском и тунгусо-русском, уже совсем вошедшем в состав русской народности и год от года

пополняющемся новыми поколениями, привходящими в состав его из бурятского и тунгусского племени [11, с. 113].

Термин «ясачные» не совсем правильно отражает состояние или положение представителей смешанных браков. Как известно, сам термин был заимствован у тюрков и употреблялся в отношении народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, плативших натуральный налог пушниной и скотом. К числу ясачных приписывались целые народы, ведущие натуральное хозяйство, основанное на охоте, рыболовстве, оленеводстве и зверобойном промысле. Обложение ясаком основывалось не столько на характере *хозяйства*, сколько на характере взаимоотношений с центральной властью, т. е. на особенностях *подданства* [8, с. 59]. После крещения и принятия русского быта крещеные по-прежнему вносили в казну ясак, оставаясь в ведении инородных управ. Конечно, первоначальное состояние бурят и эвенков как плательщиков ясака у крещеных не всегда сохранялось (при переходе в крестьянство и мещанство), но термин продолжал применяться к ним уже, вероятно, по привычке.

Более подробное описание семейных связей и отношений на бытовом уровне между русскими и эвенками не представляется возможным ввиду отсутствия архивного материала XVII–XVIII вв. и малочисленности литературных и научных работ по этому периоду (основная масса материалов относится к XIX в.)

В XIX в. продолжался процесс оседания эвенков. Оседлые тунгусы Северобайкаля жили в селах Ченче, Куморе, Ирконе. К началу XIX в. основная часть эвенкийских родов проживала в Баргузинском округе, охватывающем Северобайкалье и Баунтовскую тайгу.

Оседлые эвенки уже в конце XVIII в. имели деревянные дома, надворные постройки, коров, лошадей и в бытовой и хозяйственной жизни мало отличались от русского населения.

Смешение населения происходило двумя путями: обрусением эвенков, браками с русскими женщинами и внесением своих национальных признаков в русскую; точно так же и обратно, в силу брачного влечения русского населения к местному населению.

В некоторых селениях ясачных было больше, чем русских. Немало ясачных дворов находилось в инородческих стойбищах. Так селились ясачные крещеные тунгусы. В Верхоленском округе, в Очеульском инородческом ведомстве, при 12 тунгусских стойбищах в «большом Ленском стойбище находится 4 ясачных дома и 49 тунгусских юрт, с населением в 92 души об. пола» и «меньшем стойбище – Оборинском, при озере Тутуре, 1 ясачный дом и 10 юрт с 22 душами обоого пола» [11, с. 113].

В Тункинском инородческом ведомстве при всех 7 наслегегах тунгусских «в Большом Хандинском наслеге, при реках Чикане, Чиконите, Келоре и Большом Берилее было 6 ясачных домов и 2 юрты (69 душ обоого пола). В меньшем Обуринском стойбище, при реках Тутуре, Обуре и озере Кайдокове – 4 дома ясачных и 5 юрт с 11 душами обоого пола» [11, с. 113].

Браки русских ленских поселенцев с горными тунгусами (в Киренском округе) признавались даже полезными: они, по свидетельству Эрмана, извлекли детей от зобов, которые так безобразили русское население Ленской долины. Наконец, в так называемых ясачных и оседло-инородческих поселениях сплошь и рядом бывало, что крещенные инородцы женились на русских крестьянских девушках и вдовах, а соседние крестьяне брали знатных девушек и женщин. Женись на русских девицах и женщинах, они обыкновенно примыкали к русским селам и деревням или селились особыми деревнями. Многие, вступая в брак с русскими и рождая с ними детей, отдельными семьями селились в русских селах и деревнях среди русских крестьян.

Так, тунгус Комарицын основал селение Ченча в устье р. Котеры на Верхней Ангаре, занимался рыболовством, охотой. С 1812 г. начал распаивать земли. Он женился на русской крестьянке, имел 11 сыновей, тоже женившихся на русских женщинах [1, л. 78; 2, л. 29].

Оседлые инородцы (осели издавна, считает Н. Шукин, пристав в малолетстве к русским) или ясачные тунгусы женились на русских женщинах, поселялись в деревнях между русскими. Они занимались земледелием, скотоводством, звероловством и рыбными промыслами, большая часть из них жила своим хозяйством, а самая малая – в работниках у русских [12, с. 6–7].

Тунгусы по Ленскому тракту от соседства с русскими поселенцами, от близкого знакомства с русскими зверопромышленниками также иногда более или менее русели. В ближайших к Орленге деревнях, по Ленской долине, по словам Эрмана, знакомство русских с их соседями-тунгусами стало уже очень интимным. От обращения с русскими тунгусы значительно наводстрились и образовались, стали, как говорят русские, «хитрые и образованные» [10, с. 448].

Более сильное смешение эвенков с русским населением началось с 1756 г., когда были образованы пограничные караулы. В 1758 г. 2252 тунгуса (вместе с семьями) были распределены по 23 караулам [9, с. 39].

В результате стихийных бедствий 1755 и 1758 гг. пограничные казаки сильно обнищали. В результате сильных метелей в Забайкалье погибло 11 329 лошадей, 33 022 головы крупного рогатого скота, 192 724 овцы и козы. Многие семьи эвенков были вынуждены уйти в русские деревни и на прииски на заработки.

В конце XVIII в. были образованы три ведомства «ясашных крещеных»: 1-е городское, Сухановское и Нероновское, состоящих исключительно из крещеных тунгусов и русских крестьян. Тунгусов в 1783 г. насчитывалось 608 муж., а в 1838 г. в 1-м городском – 351 муж. и 272 жен., в Сухановском – 264 муж. и 217 жен., Нероновском – 61 муж. и 67 жен. Занимались в основном хлебопашеством [9, с. 47–48]. Нероновское и Мальцовское селения, населенные крещеными тунгусами, в 1789 г. насчитывали соответственно 129 и 162 души.

В 1824 г. все тунгусы были разделены на 6 управ, входящих в ведомство Урульгинской думы. Тунгусы, проживающие по левобережью Ингоды и по р. Нерче, были объединены в Урульгинскую и Оловскую управы; по вер-

ховью р. Турги – в Шундуинскую и Маньковскую; по левобережью Онона – в Онгоцонскую и Кужиртаевскую. Все селения, объединенные в эти управы, находились в окружении русских станиц и деревень. Например, к концу XIX в. большинство селений Урульгинской инородной управы находилось между русскими селениями Чиронской волости и Размахнинской и Кайдаловской станицами на расстоянии от 5 до 20 км [9, с. 40].

Селение Армакское возникло в конце XVIII в. после переселения тунгусов из Култука. Основателем был крещеный тунгус Ефим Проничев. Тех стариков, которые жили в Култуке, в Тунке вниз по Джиде, в Елотой, Зайцевой, всех крещеных собрал он в одно селение.

Начавшись с десятка дворов, селение постепенно разрасталось и в 1849 г. состояло из 38 дворов с населением 78 душ муж. пола и 84 жен. пола. Кроме того, проживали 13 крещеных бурят Сартолова рода. В 1895 г. в селении уже было около 100 домов с 400 жителями. В 1902 г. в селе числилось 253 души муж. пола и 263 жен. пола при 78 домохозяевах [6, с. 72].

Селение имело вид русского, с такими же избами, улицами, лавками, школой, зданием управы, земской квартирой. Будучи созданием уже русской культуры, оно являлось проводником последней в среду тунгусов, но и представляло из себя своеобразный пример инородческих влияний на русскую культуру.

Православные эвенки одинаково владели и русским, и бурятским языками; в области верований и мировоззрения, образа жизни они – более русские и чувствовали себя в этом относительно устойчиво, хотя в некоторых случаях держались бурятских верований. Обособленные от тунгусов в области экономических отношений, они в значительной степени сливались с тунгусами. Чувствуя и называя себя русскими, они по экономическим соображениям не желали отделяться от тунгусов в родах.

В январе 1902 г. С. Г. Рыбакову бросился в глаза «инородческий» тип населения – «при русских длинных волосах и одеянии, хотя изредка попадались физиономии с правильными, мягкими чертами лица, с русским обликом».

Называясь официально крещеными тунгусами, армакские жители называли себя при разных обстоятельствах не иначе, как русскими, особенно когда противопоставляли себя, например, в спорах, тунгусом – в родах.

Успешное развитие земледелия среди крещеных Армакского селения, несомненно, оказывало влияние на тунгусов в родах, и последние принимали, хотя и безуспешные, попытки ввести в своих урочищах земледельческую культуру и во всяком случае более и более приучались к потреблению хлеба. Образ жизни у крещеных Армакского селения совпадал с образом жизни русского земледельца, но имел и немало черт тунгусских, которые вносились в их жизнь главным образом звероловным промыслом, во время которого они жили уже совершенно по-тунгусски [6, с. 72–74].

В Забайкалье монголо-бурятский тип запечатлевался даже на том русском населении, которое образовалось от обруселых тунгусов. Г. Усольцев так обрисовал этот особенный монголо-тунгусско-русский облик жителей Зюльзы и других селений по долине р. Нерчи: «Черные, жесткие волосы,

большую частью узкие и несколько вкось расположенные, темно-карие глаза; смуглый цвет лица; нос приплюснутый немного в переносье; едва заметно выдавшиеся скулы выказывают монгольское происхождение. Но высокий рост, стройный стан, плотное сложение, мужество и сила, которые так редко бывают в тунгусах, в особенности в бродячих, говорят о смешении их с русскими. В женщинах эта смесь соединяет особенную красоту» [10, с. 433–434].

Постепенное смешение с местными жителями не могло не повлиять на привычки, вкусы и влечения русского населения на востоке. «У местного населения, – по утверждению Н. М. Ядринцева, – образовалось даже особенное расположение к бракам с инородцами» [13, с. 179].

На территории Забайкалья постепенно сформировался определенный тип местного населения, основанный на бурятском, эвенкийском и в основном русском. Этих жителей называли «гуранами» [4, с. 182]. Термин «гуран» был распространен в Восточном Забайкалье (бассейн р. Амур), где он означал настоящего забайкальца [14, с. 99].

Влияние физико-этнологической среды на результаты смешения племен, по мнению А. П. Шапова, несколько видоизменялось и разнообразилось различными местными условиями – географическими, этнографическими и иными. Наибольшая приспособленность племени к местным условиям внешней природы и наибольшая его численность давали ему перевес в среде или в борьбе и мирном жительстве с другими племенами, наименее приспособленными к физической среде и сравнительно малочисленными [10, с. 448].

Кроме соседства или среды, также способствовало сближению и слиянию местных жителей с русскими принятие ими русской веры и вступление в русскую службу. Единство распространяемой повсюду господствующей веры и единство государственного устройства, так сказать, механически и невольно связывало народы в одно целое с русским народом. Крещение давало инородцам право жениться на русских женщинах и производить новое русское поколение [10, с. 458]. В 20-х гг. XIX в. забайкальские буряты составляли 4 казачьих полка – до 600 чел. каждый, а тунгусы – отряд в 500 чел.

Торговые отношения и особенно ярмарки также отчасти служили способом сближения сибирских инородцев с русскими. Подобные ярмарки и вообще торгово-промышленные сношения тем легче и успешнее могли бы вести сибирские народы к совершенному слиянию с русскими, если бы русское купечество и вообще «русское племя» не злоупотребляло их простосердечною доверчивостью. Доверчивость многих инородцев к русским иногда доходила до поразительных проявлений искренности, честности и добросовестности. Но русские, к сожалению, воздавали за это доверие по большей части грубым обманом, хитростью, мошенничеством, насилием и явным грабежом; когда, например, простодушных «детей природы» спаивали водкой, за какой-нибудь дрянной ножик драли с них соболей 10, за картуз табаку – несколько дорогих лисьих шкур, незаконными долгами закабалили инородцев за собою и т. д. [10, с. 461].

Смешанное население владело русским и эвенкийским языками и воспринимало хозяйственные и социально-бытовые черты обоих народов. Таким образом, сформировалась особая группа населения (гуранов) – посредник общения культур, занимающая промежуточное положение между культурами и являющаяся носителем билингвизма и бикультурализма. Благодаря деятельности группы-посредника знание об иной культуре становилось массовым.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 320. Оп. 1. Д. 8.
2. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 26.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 282. Оп. 1. Д. 43.
4. *Константинов А. В.* История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 г.) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Чита : АНО «ЦНОП» ; Изд-во ЗабГПУ, 2002. – 248 с.
5. *Подгорбунский И. А.* Буряты (Исторический очерк) // Зап. ВСОРГО. – 1889. – Т. 1, вып. 1.
6. *Рыбаков С. Г.* Армакские тунгусы Селенгинского уезда Забайкальской области // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. – Т. 6, вып. 1. – Кяхта, 1903. – С. 50–82.
7. Современные этнические процессы в СССР. – 2-е изд. – М. : Наука, 1977. – 562 с.
8. *Соколовский С. В.* Образы других в российской науке, политике и праве / С. В. Соколовский. – М. : Путь, 2001. – 235 с.
9. *Шубин А. С.* Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.) / А. С. Шубин. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 108 с.
10. *Щапов А. П.* Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Щапов А. П. Собр. соч. – СПб., 1907. – Т. 2.
11. *Щапов А. П.* Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Щапов А. П. Собр. соч. Доп. том. – Иркутск : Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937.
12. *Щукин Н.* Киренский округ Иркутской губернии / Н. Щукин – СПб., 1856.
13. *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц / Н. М. Ядринцев. – СПб. : Изд-во И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.
14. *Янков А. Г.* Сибиряки – карымы: к вопросу о сибирской идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / под ред. А. О. Бороноева. – СПб., 2003. – С. 98–103.

Interethnic Mixing in the Baikal Region in the XVIIIth–XIXth Centuries

O. V. Burayeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract: Neighborhood of the villages and nomads camps, as well as population mixing which started in the mid-XVIIIth century facilitated establishing contacts between the Rus-

sians and the Evenks (Tunguses). Cross marriages led to ancestral relationship between the Russians and Evenks families and often resulted in enduring friendship between them. Moreover, cross marriages affected the appearance of the inhabitants of Transbaikalia

Keywords: the Russians, the Evenks, the Gurans, cross marriages, the Baikal region, the XVIIth–XIXth centuries.

Буряева Ольга Владимировна

*доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
руководитель тематической группы
этнологов Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)43-35-51
e-mail: olgaburaeva@mail.ru*

Burayeva Olga Vladimirovna

*Doctor of Sciences (History), Associate
Professor, Leading Researcher, Head
of the Group of Ethnologists
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)43-35-51
e-mail: olgaburaeva@mail.ru*